

Роль Гюстава Муанье в создании Института международного права (1873)

ВОЙНА НА БАЛКАНАХ (1857—1878) РУКОВОДСТВО ПО ЗАКОНАМ ВОЙНЫ (1880)

Андре Дюран

Франко-прусская война 1870 года показала, как трудно обеспечить соблюдение международного права во время реальных боевых действий. Взаимные обвинения в нарушении Женевской конвенции и норм обычного права войны в целом показали, что и сфера применения международного права, и распространение знаний о его принципах оказались недостаточными для того, чтобы предотвратить излишне жестокие действия комбатантов. Защита медицинских служб и раненых должна оставаться независимой от ведения военных действий. Но нарушения права войны, как фактические, так и предполагаемые, неизбежно осложняют соблюдение Конвенции. Общественное мнение (которое реагирует очень быстро), пресса (всегда готовая поддержать дух сопротивления) и сами правительства никогда не упускают возможности привлечь внимание к незаконным действиям противоположной стороны или преувеличить их, а также безоговорочно осудить всех комбатантов противника.

Гюставу Муанье было хорошо известно, какое значение имеют подобные крайности для деятельности Красного Креста. Сразу же после окончания войны он изложил свои наблюдения и выводы в работе *«Женевская Конвенция во время франко-прусской войны»* и выдвинул предложение создать международное правовое учреждение для расследования фактов нарушений Конвенции и для того, чтобы обеспечить возможность наказания за такие нарушения. В то же время он хотел так расширить существующую правовую систему, чтобы она включала в себя законы войны, что помогло бы ввести такие правила ведения военных действий, которые, как он полагал, позволили бы защитить раненых.

«Во время франко-прусской войны, — писал он, — я часто бывал неприятно поражен неопределенностью правовых положений, регулирующих ведение боевых действий. Воюющие стороны не могли прийти к согласию относительно того, как далеко они могут зайти в своих действиях против противника и от каких действий они должны воздерживаться, при этом и ни одна из сторон не могла выступить с авторитетным заявлением по этому вопросу. Мне кажется, такое положение вещей способствовало тому, что страсти разгорались все сильнее, превращая войну в дикость, которая не пристала цивилизованным народам. Когда же мир был восстановлен, пришло время найти способ предотвратить повторение подобных жестокостей, и первое, что приходило на ум, было собрать

всех специалистов по международному праву, чтобы они по возможности единодушно провозгласили те нормы разумного поведения, которые правосознанием нашего времени признаются как необходимые.

Но такое предприятие имело бы мало шансов на успех, займись я им в одиночку. Я слишком хорошо представлял себе те непреодолимые трудности, которые возникнут на моем пути. Насколько мне было известно, существовал только один человек, который обладал нужными качествами. Это был молодой юрист из Гента, господин Ролен-Жакменс, с которым я познакомился на Международной благотворительной конференции в 1862 году в Лондоне. Господин Ролен основал журнал «Вопросы международного права» («*Revue de droit international*») и успешно руководил им, а следовательно, был представителем тех ученых кругов, участия которых я стремился добиться¹.

В 1869 году Ролен-Жакменс² в сотрудничестве с Тобиасом Ассером, будущим лауреатом Нобелевской премии мира (1911 год), и Джоном Уэстлейком основал журнал «Вопросы международного и сравнительного права» («*Revue de droit international et de législation comparée*»). Журнал был основным изданием Института международного права и прекратил свое существование лишь в 1939 году, когда началась война. В том же 1869 году Гюстав Муанье, задавшийся целью создать для национальных обществ по оказанию помощи канал информации и связи, основал *Bulletin International des Sociétés de Secours aux Militaires blessés*, который позднее превратился в *International Review of the Red Cross* («Международный журнал Красного Креста»), Журнал выпускается и по сей день, хранит строгость заветов основателя и осуществляет его стремление распространять как можно более полную информацию. Таким образом, два юриста оказались во главе международных журналов, посвященных развитию международного и гуманитарного права и распространению знаний об этих отраслях права.

Поэтому совершенно понятно, что со своими идеями Муанье прежде всего обратился к Ролен-Жакменсу. В сентябре 1871 года он попросил одного из своих друзей, Альфонса Ривьеру, профессора права в Брюсселе³, чтобы последний представил его предложение Ролен-Жакменсу. Но никакой реакции не последовало. Полагая, что его просьба не достигла адресата, Муанье решил сам связаться

1 Г. Муанье. *Réminiscences* — Belgique, Pays-Bas, Luxembourg, pp. 23—24. Отпечатанная рукопись, Архив МККК, раздел Муанье. Бернар Бувье использовал часть этого текста в своей брошюре, посвященной Гюставу Муанье (Гюстав Муанье, типография *Journal de Genève*, 1918, р. 26), основой для которой послужила лекция, прочитанная в конференц-зале Женевского университета 12 марта 1917 года. Отрывок из лекции (с. 22—34) был напечатан в *Tribune de Genève* от 10—13 февраля 1918 года под названием *De la création par Gustave Moynier de l'Institut de Droit International*.

2 Гюстав Ролен-Жакменс родился в Генте (1835—1902), доктор юридических, общественных и политических наук. Один из основателей и главный редактор (1869—1878) журнала *Revue de droit international et de législation comparée* («Журнал по международному и сравнительному праву»). Один из основателей Института международного права, первый генеральный секретарь, затем с 1879 года — президент. Член Бельгийской академии. Член палаты представителей Бельгии, министр внутренних дел (1878). Его брат Альберик Ролен, судья Кассационного суда в Генте, был помощником секретаря Института международного права с самого его основания, затем секретарем и вспомогательным членом Института (1874).

3 Альфонс Ривьер, из Лозанны, доктор права Берлинского университета (1858), читал лекции в этом университете (1862), профессор университетов в Берне (1863—1867) и Брюсселе (1867), секретарь и вспомогательный член Института международного права (1874), автор многих работ по юриспруденции, член Швейцарской федеральной комиссии по составлению федерального «кодекса обязанностей».

с Ролен-Жакменсом. В ноябре 1872 года Муанье нанес ему визит в Генте, чтобы, по собственным словам, привлечь Ролен-Жакменса на свою сторону¹.

Тем не менее великие планы часто приходят в голову нескольким людям одновременно. Так случилось и с планом Муанье, который совпал с предложениями различных всемирно известных юристов, например Фрэнсиса Либера², Гаспара Блончли³ и Дэвида Дадли Филда⁴. Эти идеи стали известны юридическому миру в результате гражданской войны в США и благодаря открывшимся возможностям мирного урегулирования споров посредством переговоров. Впервые Либер высказал свои соображения в апреле 1866 года в письме к Блончли, затем в сентябре 1881 года в письме к Ролен-Жакменсу, в котором он напоминал об одной из самых дорогих ему идей — о проведении общественного, международного конгресса, не имеющего никакого официального статуса, с участием передовых правоведов всего мира, для чего, по его выражению, *идеально подходит Гент*⁵. Он отказался от своего предложения 10 апреля 1872 года в письме к генералу Дюфуру, в ответ на циркулярное письмо Муанье в отношении создания международного правового учреждения. Автор «*Инструкций полевым войскам Соединенных Штатов*», который не одобрял идеи Муанье о постоянном международном трибунале, в заключение письма подчеркнул необходимость и целесообразность встречи наиболее видных юристов всего мира — в личном качестве и без мандата от общественности — для решения некоторых важных, но пока еще неясных вопросов⁶. Блончли внес похожие предложения и одним из первых в своих работах высказывался о необходимости кодификации международного права. Решение суда по *Алабамскому делу*, вынесенное в Женеве 14 сентября 1872 года и положившее конец десятилетнему спору между Соединенными Штатами и Великобританией, показало, что обращение к общепризнанным юридическим нормам является обязательным предварительным условием разрешения

1 Об истории создания Института см.: *Alphonse Rivier*. L'Institut de droit international. Bibliothèque universelle, Lausanne-Geneva, vol. 51, 1874; Yearbook of the Institute of International Law, 1877, et. seq.; *Remain Yakemtchouk*. Les origines de l'Institut de droit international in *Revue générale de Droit international public*, 77th year, April—June 1973, No2; *Albéric Rolin*. Discours, in III Annuaire, 21 session, Ghent, 1906, некролог на смерть Гюстава Муанье в III Annuaire, 1911, and *Les origines de l'Institut de droit international*, 1873—1923 — *Souvenirs d'un témoin*, Brussels, undated, (1923); *August Schou*. L'Institut de droit international, in *Histoire de l'internationalisme*, t. 3 Oslo, Norwegian Nobel Institute, 1963; and the «*Livre du centenaire*», of the IIL, Basel, 1973.

2 Фрэнсис Либер (1798—1872). Профессор Международного права в Колумбия-колледж (Нью-Йоркский университет). Автор «*Инструкций полевым войскам Соединенных Штатов*», опубликованных Военным министерством 24 апреля 1863 года. Сотрудничал в *Journal of International and Comparative Law*. Умер 22 октября 1872 года, за 11 месяцев до основания ИМП, одним из инициаторов которого он был.

3 Жан-Гаспар Блончли (1808—1881), родом из Цюриха. Занимался правом и политикой, сначала в Цюрихе (профессор римского права, государственный советник, автор проекта Цюрихского гражданского кодекса), затем в Мюнхене и Гейдельберге (профессор международного права и политологии, член парламента Бадена), член комиссии по составлению Федерального кодекса обязательств. См.: *Dietrich Schindler*. Jean Gaspard Bluntschli in кн. *Livre du Centenaire*, op. cit., 1973, pp. 45—60.

4 Дэвид Дадли Филд (1805—1894), инициатор создания *Association pour la réforme et la codification du droit des gens*, которая была основана в 1873 году в Брюсселе и затем превратилась в «Ассоциацию международного права» (*International Law Association*.)

5 Письмо Либера к Ролен-Жакменсу, сентябрь 1871 года. Приводится Ролен-Жакменсом на английском языке, с прилагаемым переводом, в его имевшей большое значение статье в *Revue de droit international et de législation comparée*, 5th year, 1873; *De la nécessité d'organiser une institution scientifique permanente pour favoriser l'étude et les progrès du droit international*, pp. 480—481.

6 Либер в письме генералу Дюфуру, 10 апреля 1872 года. На основании французского перевода, опубликованного Ролен-Жакменсом в «*Note sur le projet de M. Moynier, relatif à l'établissement d'une institution judiciaire*», protectrice de la Convention, *Revue de droit international et de législation comparée*, 1872, 4th year, 2nd edition, p. 325. Циркулярное письмо, содержащее записку Муанье (№ 28 от 28 января 1882 года), было подписано генералом Дюфуrom, почетным Президентом, «в отсутствие Президента».

споров. Гюстав Муанье к тому времени уже уделил внимание этому вопросу в своем проекте создания международного правового учреждения: «Учреждение арбитражного суда, который расположен в нашем городе и которому поручено вынести решение по алабамскому делу, создает прецедент с далеко идущими последствиями. Хорошо известно также, что судьям, участвующим в алабамском процессе, как и тем юристам, которых я предлагаю для рассмотрения Женевской конвенции, придется действовать в соответствии с принципами, которые до этого были приняты заинтересованными сторонами и закреплены в договоре»¹.

Комментируя письмо Либера генералу Дюфуру, Ролен-Жакменс писал: *«Нам представляется в связи с этим, что нечто вроде международного парламента, избранного из числа лиц, работающих в области юриспруденции, как предлагает господин Либер, будет нести ответственность за решение наиболее важных вопросов. Это будет конференция дипломатов нового типа, без недостатков, свойственных дипломатии, и участники ее при помощи своего взаимного влияния друг на друга смогут примирить желаемое с возможным.*

*Мы торопимся учесть пожелание господина Либера и обещаем сделать все возможное для его осуществления с помощью этой группы, которая удачным и неожиданным образом оказалась состоящей из большого числа такого рода людей»*².

В этом месте Ролен-Жакменс добавил следующий комментарий:

«Доказательством того, что пожелание господина Либера совпадает с существующей необходимостью, является тот факт, что в то время как наш выдающийся корреспондент из Нью-Йорка обсуждал это с нами в первый раз (летом 1871 года), господин Муанье попросил нашего общего друга обсудить этот вопрос с нами. Вскоре после этого господин де Гользендорф прислал нам письмо по этому же вопросу».

Во время встречи в ноябре 1872 года, прошедшей в Генте, вероятно, 15 или 16 числа, Ролен-Жакменс положительно отозвался о плане Муанье. В воскресенье 17 ноября Муанье написал Блюнчли и предложил встретиться в Гейдельберге в среду на той же неделе³. В письме, также датированном 17 ноября, Ролен-Жакменс сообщил Блюнчли о предстоящем визите его коллеги: *«Господин Муанье обязательно обсудит с вами план, который был очень дорог сердцу вашего выдающегося друга господина Либера, которого, увы, уже нет с нами: проведение конгресса или, может быть, конференции юристов всего мира с целью придать проблеме научный вес в глазах широкой общественности и правительств, а также вынести на их рассмотрение определенные предложения о международном праве, которые отвечают потребностям нашего времени. После наших бесед с господином Муанье я намереваюсь составить на эту тему проект обращения и перед публикацией представить его на ваше рассмотрение»*⁴. В своем ответе

1 G. Moynier. Note sur la creation d'une Institution judiciaire internationale propre à prévenir et à réprimer les infractions à la Convention de Genève, ICRC, 28th circular, 28 January 1872. Муанье в данном случае имеет в виду Вашингтонский договор от 8 мая 1871 года, заключенный между Соединенными Штатами и Великобританией.

2 Rolin-Jaequemyns. Note sur le projet de M. Moynier..., pp. 345—346.

3 Письмо Гюстава Муанье Блюнчли, 17 ноября 1872 года, Цюрихская центральная библиотека. Фотокопия, библиотека Женевского университета.

4 Ролен-Жакменс в письме Блюнчли, 17 ноября 1872 года, Yakemtchouk, op. cit., p. 403.

Ролен-Жакменсу от 22 ноября Блюнчли заверил его в полном своем согласии с его взглядами: *«Наиболее существенным мне представляется создание постоянного учреждения, которое может и должно приобрести международный авторитет»*¹. Таким образом, посредством двух этих начинаний, которые отражали его постоянную озабоченность вопросом *превращения теоретической концепции в реальность*, Муанье, как представляется, начал или ускорил процесс создания Института международного права и, по всей видимости, убедил Ролен-Жакменса, если тот еще колебался, взять на себя ответственность за решение этой задачи. В своих мемуарах он кратко упоминает эти встречи:

*«Мне не стоило большого труда убедить моего друга, прежде всего потому, что мои уговоры не застали его совсем врасплох, поскольку до меня другие уже делали ему предложения, более или менее похожие на мое. После недолгих колебаний он согласился взять на себя ответственность за составление основных направлений деятельности экспертов-практиков в области права, и я полностью положился на его опыт и энтузиазм. Более того, мы были едины в мнении о том, что на предполагаемой встрече должен быть рассмотрен более широкий круг вопросов, чем предполагалось в моей первоначальной программе, и она должна охватывать международное право в целом. Кроме того, это должно быть постоянное, а не временное учреждение. Поэтому я попросил Гейдельберга передать наше общее мнение профессору Блюнчли, на поддержку которого мы надеялись и который полностью одобрил наши планы»*².

Согласившись возглавить движение, Ролен-Жакменс 10 марта 1873 года отправил некоторым своим коллегам *конфиденциальное послание*, в котором он писал о целях и статусе новой организации, *академии* или же *международного института публичного права*. В свой ответ от 7 апреля 1873 года Муанье включил комментарии к предложениям Ролен-Жакменса, основные пункты которых он одобрил. У Муанье были собственные соображения в отношении некоторых вопросов, в рассмотрении которых он исходил из своего опыта работы в Красном Кресте. Вместо постоянной комиссии, состоящей из членов, живущих в разных местах, которых будет трудно собрать вместе, он находил более целесообразным назначение директора, который был бы обязан учитывать мнение своих подчиненных советников при решении важных вопросов. Он также подчеркивал нежелательность того, чтобы правительства имели право голоса при определении состава организации и право контролировать ее финансовую деятельность.

«Право вето является прискорбным ограничением независимости Академии, и должен признаться, что ваши доводы в его защиту меня не убедили. Если разрешить какому-либо правительству противостоять назначению выдающегося человека по причине его политических взглядов, это приведет к полной потере авторитета представителей юридической профессии и молчаливому признанию, что политика имеет приоритет над правом. Более того, для государств наилучшей гарантией будет тот факт, что Академия не станет компрометировать свою репутацию перед правительствами, принимая непопулярные решения.

1 Письмо Блюнчли Ролен-Жакменсу, 22 ноября 1872 года. Цит. по: *Albéric Rolin. Les origines de l'IDI* (cf. Note 4), p. 11 (в переводе), and by Yakemtchouk, p. 404 (на немецком).

2 *G. Moynier. Ma contribution aux progrès du droit international*, pp. 9—10, рукопись, архив МККК, раздел Муанье.

Мы можем быть уверены, что обсуждения будут проводиться тактично. Я также не очень одобряю идею **регулярных взносов правительств для покрытия расходов**»¹.

Стремясь информировать широкую общественность, Гюстав Муанье опубликовал предварительный анализ уже осуществляемых планов в *Journal de Genève* 5 августа 1873 года:

«Общим ощущением, порожденным недавними войнами, было несомненно осознание несостоятельности общества, в котором не существует позитивного права, регулирующего международные конфликты, в результате чего взаимные обиды народов или правительств могут вынудить их повести себя самым необъяснимым и достойным сожаления, или даже самым отталкивающим для общественного сознания образом, при этом они не совершат ничего противозаконного. Где те правила, признанные каждым и всеми, которые позволили бы, например, определить несправедливый характер агрессии и потребовать от сторон обратиться в суд перед тем, как прибегнуть к силе, которые обязывали бы более сильного пойти на уступки, определяли бы права и обязанности нейтральных сторон или осуждали то или иное условие заключения мира как нарушающее закон? На эти и многие другие вопросы законы не дают еще ясного ответа [...]

Создание специального постоянного органа, который сосредоточит все свои усилия в этом направлении, представляется настоятельно необходимым. Наряду с официальной политикой правительств, которую еще рано считать постоянным фактором, и частным мнением, которое часто не принимается во внимание, коллективное мнение ученых, по возможности независимое от какого бы то ни было влияния извне, явится новым и очень многообещающим посредником, деятельность которого при мудром руководстве может дать очень хорошие результаты [...]

Хотя эта идея существует недавно, она не является абсолютно новой и трудно определить, кто был ее инициатором. Однако за последнее время она пришла в голову нескольким людям разных национальностей. Некоторые из них даже сочли, что уже пришло время воплотить эту теорию в жизнь. Они будут стараться осуществить это на конгрессе в Генте»² [...]

Учредители встретились в Генте 8 сентября 1873 в мэрии, в Оружейном зале. 10 сентября был принят устав *Института международного права*, основной задачей которого провозглашалась деятельность по развитию международного права, которую он сможет осуществлять, став выразителем правосознания всего цивилизованного мира. «Этот день, — как позднее признал Гюстав Муанье, — заслуживает того, чтобы войти в историю как день образования группы, которая постепенно заслужила уважение широкой общественности, много сделала в области права и его применения и имеет хорошие перспективы на будущее.

1 Г. Муанье Ролен-Жакменсу, 7 апреля 1873 года. Архив МККК, раздел Муанье, копии отправленных писем, с. 12.

2 Le congrès de Gand et l'Institut du droit des gens (статья без подписи). — *Journal de Genève*, 5 August 1873. См. также: L'Institut de droit international. — *Journal de Genève*, 16 September 1873, and Fondation de l'Institut de droit international. — *Bulletin International des sociétés de secours (International Bulletin of Relief Societies)*, January 1874, pp. 99—103.

В Генте нас, учредителей, было всего 11 человек, но нас вдохновлял целый ряд влиятельнейших личностей, которые не присутствовали на этой встрече, но заверили нас в своей поддержке и тем самым придали необходимый вес нашим решениям»¹.

Заседание учредителей поручило бельгийскому экономисту Эмилио де Лавелье и Муанье составить в качестве преамбулы к уставу манифест, провозглашающий основание института. Этот документ, датированный 11 сентября 1873 года, был подписан 11 учредителями и распространен среди правительств и специалистов по международному праву².

В своих воспоминаниях о поездке, совершенной в связи с этим в Бельгию, Муанье вспоминает радушный прием, оказанный ему отцом госпожи Ролен-Жакменс и бургомистром князем Керхове, а также встречу с баронессой Кромбругге, сестрой бургомистра, которая во время франко-прусской войны посвятила себя уходу за ранеными³. Ролен-Жакменс пригласил посетить его поместье Миндерхаут в Кампене. «Несколько дней, проведенных в этом уединенном месте, — писал Муанье, — в кругу очаровательной семьи моего хозяина, оставили впечатление столь приятное, сколь и незабываемое. В то время там гостил выдающийся агроном, господин Жакменс, отец госпожи Ролен, который был одним из наиболее активных сторонников восстановления сельского хозяйства Кампены. Он был очень любезен и дал мне несколько уроков по аграрной экономике прямо там, на лоне природы»⁴.

В своем ответе Ролен-Жакменсу относительно проекта устава института Муанье, хотя и одобрял созыв учредительного собрания в Генте, тем не менее предлагал свой родной город, который уже был свидетелем успеха, писал он, двух важных инициатив: Женевской конвенции 1864 года и решения алабамского дела. «Тем не менее я считаю, что местом для предстоящего заседания должна быть выбрана Женева, учитывая то, что первая встреча потребует большой подготовительной работы, для которой желательно будет воспользоваться средствами *Revue de droit international*, которые вы любезно предоставляете в наше распоряжение»⁵.

Предложение Муанье было принято, и Женева была выбрана местом проведения первой сессии института, которая последовала за учредительным собранием в Генте. Заседание было проведено в историческом зале Алабама, который предоставил конгрессу Совет кантона Женевы. Сессия, на которой

1 G. Moynier. Ma contribution..., op. cit., p. 10. На встрече присутствовали: Ассер (Амстердам), В. Безобразов (Санкт-Петербург), Блюнчли (Гейдельберг), Карлос Кальво (Буэнос-Айрес), Д. Дадли Филд (Нью-Йорк), Э. де Лавелье (Льеж), Д. Лоример (Эдинбург), Манчини (Рим), Муанье (Женева), Пиерантони (Неаполь), Ролен-Жакменс (Гент). Двадцать два юриста из числа приглашенных не смогли присутствовать и прислали свои извинения, тем не менее они одобрили план полностью или с оговорками. Именно их поддержку имел в виду Гюстав Муанье, когда употребил слово *exhorte*, старое французское слово, означающее поддержку, совет (F. Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue française..., Paris, 1884).

2 Институт международного права, который по сей день осуществляет и развивает программу, предложенную его основателями, в 1904 году за свою деятельность получил Нобелевскую премию мира.

3 См.: Международный бюллетень Обществ по оказанию помощи, октябрь 1871, № 9, с. 16—20, краткий обзор книги, написанной госпожой де Кромбругге, *Journal d'une infirmière pendant la guerre de 1870—1871*, Brussels, 1871.

4 Г. Муанье. Воспоминания, с. 30, рукопись, Архив МККК, раздел Муанье.

5 Г. Муанье Ролен-Жакменсу, 17 апреля 1873 года, Архив МККК, собрание копий писем, отправленных Муанье, с. 13.

председательствовал Манчини¹, начала работу 31 августа 1874 года Антуан Картере, президент Совета кантона, и Мишель Шове, государственный советник, передали делегатам приветствия властей.

Институт международного права был не единственной организацией, которая начала устанавливать юридические нормы в области ведения военных действий. В феврале 1874 года *Международный исполнительный комитет по улучшению участи военнопленных*, созданный по инициативе Анри Дюнана, который был его международным секретарем, провел подготовительное заседание и предложил созвать дипломатическую конференцию в Париже 4 мая 1874 года, чтобы обсудить юридические нормы обращения с военнопленными. Но осуществление этого плана опередили другие события, так как в апреле того же года царь Александр II предложил провести в Брюсселе конференцию с целью установления норм, которые *«смогут смягчить, насколько это возможно, бедствия от международных конфликтов, определив права и обязанности воюющих в условиях военного времени»*. Конференция открылась в Брюсселе 27 июля 1874 года².

Гюстав Муанье, естественно, был очень заинтересован в осуществлении плана, который так точно отвечал его собственным намерениям. Однако его беспокоило то, что повестка дня конференции включала рассмотрение новой редакции Женевской конвенции, формулировка которой, по его мнению, не являлась шагом вперед по сравнению с действующей Конвенцией. Он даже боялся, что такая формулировка помешает воплощению Конвенции в жизнь. Это объясняет его реакцию, отраженную в его воспоминаниях следующим образом:

«Как только я получил российский проект, который должен был обсуждаться, я был поражен его слабостью, о чем уведомил (швейцарский) Федеральный Совет. Я также направил Совету альтернативный проект, который был предоставлен полномочному представителю Швейцарии, полковнику Хаммеру, для использования при необходимости.

Я был также обеспокоен опасностью того, что Женевская конвенция, при условии ее включения в российский проект, может прекратить свое существование как отдельный документ и стать частью другого документа, который необязательно будет принят»³.

Поэтому Международный Комитет разослал Национальным обществам Красного Креста циркулярное письмо с просьбой выступить с инициативой перед своими правительствами и попытаться отложить рассмотрение Женевской конвенции, а в случае неудачи — уговорить Брюссельскую конференцию возобновить дебаты о содержании дополнительных статей 1868 года⁴. Барон Жомини, председатель конференции, зачитал это письмо вслух на одном из заседаний.

1 Паскаль Станислас Манчини родился в Кастельбаронии в 1817 году. Итальянский юрист и государственный деятель, член парламента, министр юстиции (март 1876 года), профессор международного права и декан юридического факультета Римского университета.

2 См. в связи с этим: *Danièle Bujard. The Geneva Convention of 1864 and the Brussels Conference of 1874. — IRRC № 670, October 1974, 527—537 and November 1974, pp. 639—649, а также Yvonne de Pourtalès and Roger Durand. Henry Dunant, promoter of the Brussels Conference of 1874, pioneer of diplomatic protection of prisoners of war. — IRRC, № 674, February 1975, pp. 61—85.*

3 *Г. Муанье. Rémiscences*, pp. 32—33, Архив МККК, раздел Муанье. Густав Муанье не присутствовал на конференции в Брюсселе в 1874 году.

4 МККК, 30-е циркулярное письмо, 20 июня 1874 года.

После этого участники Конференции решили не включать в повестку дня пересмотр Женевской конвенции и ограничились лишь ссылкой на текст конвенции, *не внося в него никаких изменений*.

Институт международного права включил в свою повестку дня тщательное изучение Брюссельской декларации о законах войны и поручил комиссии (Четвертой комиссии) высказать свое мнение по этому вопросу, а также внести дополнительные предложения. Муанье, как член этой комиссии, представил свой отчет. На заседании в Гааге с 25 по 31 августа 1875 года Институт предложил внести некоторые изменения в те разделы, которые казались неполными или неясными, и в то же время признал большое значение Декларации в целом¹.

Пересмотр законов войны и заключение новых договоров представляли, таким образом, не только теоретический интерес. Даже тогда, когда проводилось заседание Института, захваченные турками Балканы продолжали оставаться театром военных действий. Восстание в Боснии и Герцеговине в июле 1875 года, восстание в Болгарии, война, столкнувшая Сербию и Черногорию с Турцией в июле 1876 года, — все эти события нарушали спокойствие в наиболее взрывоопасном регионе европейского континента, а ожесточенность сражений и жестокость репрессий показали, что, несмотря на положения Женевской конвенции и предложения Брюссельской конференции, военные действия по-прежнему остаются той сферой, где царит произвол и жестокость. 24 апреля 1877 года после бесплодных переговоров царь Александр II в союзе с Румынией, Сербией и Черногорией объявил Турции войну.

Реакция Муанье последовала незамедлительно. 7 мая он поделился своей тревогой с Блюнчли и предложил, чтобы Институт международного права выступил с открытым заявлением.

«Я весьма озабочен развитием событий на Востоке в плане соблюдения (или, скорее, несоблюдения) законов войны. Я делаю все возможное в узких рамках моей компетенции, чтобы обеспечить соблюдение Женевской конвенции, хотя особого оптимизма в отношении моих инициатив у меня нет. Но что будет с другими пунктами Брюссельской декларации (участницей которой была Турция)? Почему бы институту не выступить с публичным заявлением по этому вопросу, хотя бы для того, чтобы публично заявить, что за поведением воюющих сторон ведется наблюдение? Не пора ли созвать чрезвычайную сессию специальной комиссии и ввести в действие Брюссельскую декларацию? Я обращаю ваше внимание на эту проблему, которая мне представляется очень важной, так как это позволит институту заявить о себе и сделать полезное дело, не выходя за рамки своей компетенции (ст. 1.5 Устава). Если Вы одобряете мое предложение, необходимо начать действовать немедленно, чтобы наши действия были предупредительными, а не носили характер осуждения по отношению к воюющим сторонам после того, как факты уже имели место. Я лично готов прибыть в Гейдельберг, если Вы решите созвать комиссию там»².

1 См.: *Annuaire de l'Institut*, год 1, часть 2, с. 133—138.

2 Гюстав Муанье к Блюнчли, 7 мая 1877, Цюрихская центральная библиотека. Фотокопия, библиотека Женевского университета. В ст. 1.5 Устава Института одна из его задач формулируется следующим образом: *Обеспечивать, в пределах своей компетенции, сохранение мира или соблюдение законов войны.*

Блюнчли немедленно согласился и предложил Ролен-Жакменсу включиться в работу по составлению текста заявления. Муанье спешно отправился в Гейдельберг, куда и прибыл 19 мая. Он приехал с отцом, а также воспользовался возможностью увидеть своего сына Адольфа, который в то время изучал немецкий язык у пастора Антеса в Бенсхейме, неподалеку от Гейдельберга. К тому времени он уже отправил Блюнчли проект заявления и следующую записку: «Если бы это не было заявлением института, я бы выразил свои мысли более страстно, но мне кажется, что излишняя эмоциональность здесь неуместна и что все наши высказывания должны быть взвешенными и исполненными достоинства»¹.

Муанье не хотел терять времени, о чем и писал Блюнчли. Поэтому он предложил, чтобы документ был опубликован немедленно, без предварительного обсуждения членами института. Нижеследующий текст является цитатой из записки, опубликованной в ежегоднике института и предвещающей заявление:

«Хотя институт не проводил заседаний в начале войны между Россией и Турцией в 1877 году, по инициативе одного из его членов, господина Муанье, секретариат института решил опубликовать нижеследующий документ, составленный в Гейдельберге господами Блюнчли, Муанье и Ролен-Жакменсом и затем одобренный господами Парье и Ассером»².

Заявление было опубликовано 28 мая 1877 года под заглавием «Законы войны — обращение к воюющим сторонам и к прессе». Оно начиналось с характеристики положения дел в области права войны, как кодифицированных, так и обычных его норм: Парижской декларации 1856 года о каперстве и блокаде; Женевской конвенции 1864 года, касающейся защиты раненых военнослужащих и дополнительных к ней статей 1868 года, которые не были ратифицированы, но были приняты в качестве *modus vivendi* обеими сторонами во время франко-прусской войны 1870 года; Санкт-Петербургской декларации 1868 года, запрещающей использование разрывных снарядов; и, наконец, самого важного документа — Брюссельской декларации 1874 года, которая не была ратифицирована, но должна считаться, согласно заявлению, «разумным выражением обязательств, которые правосознание европейских народов налагает сегодня на воюющие армии в отношении населения оккупированных районов». Затем в обращении определяются основные положения, которые необходимо соблюдать в военное время в отношении парламентариев, солдат, вышедших из строя, и гражданского населения, а также выдвигается требование разъяснять эти положения военнослужащим. Обращение заканчивается следующими словами:

«Мы знаем, как трудно в разгар военных действий помнить о четких предписаниях гуманности. Солдат в пылу сражения, опьяненный победой или не знающий исхода битвы, подталкиваемый инстинктом самосохранения, склонен без долгих размышлений и безо всяких угрызений совести терять чувство меры, хотя в более спокойной обстановке он бы полностью себе этого не позволил. Но высшая

1 Гюстав Муанье к Блюнчли, 16 мая 1877 года.

2 *Annuaire...*, год 2-й, 1878, с. 132—137. В ответ на манифест Института международного права Оттоманское общество Красного Креста опубликовало меморандум, в котором отвергло все обвинения, содержащиеся в манифесте, относительно поведения турецких вооруженных сил и объявило, что с самого начала военных действий Оттоманская империя приложила все усилия для того, чтобы ее вооруженные силы уважали законы войны (см.: *Bulletin International*, год 9-й, январь 1878, с. 109—112).

цель права — поддерживать гуманное отношение человека к человеку — в меньшей степени относится и собственно к ведению войны. Трудно переоценить значение этой истины для тех, кто управляет государством или командует армией.

Учитывая все это, мы призываем газеты воюющих государств и нейтральных стран опубликовать это обращение. Таким образом они помогут нам окончательно уничтожить варварское и трагически ошибочное мнение, что «на войне все средства хороши». Это также поможет распространить знания об истинных принципах международного права и опыт их применения»¹.

Во время заседания в Цюрихе с 10 по 13 сентября 1877 года ассамблеей Института международного права был единогласно одобрен текст обращения и принято решение о его публикации. Также было принято решение дополнить его новой декларацией, призывающей участников русско-турецкой войны соблюдать законы войны. Муанье и Ролен-Жакменсу было поручено составить проект декларации. Предложенный ими проект был принят ассамблеей и опубликован 17 сентября.

Посредством этого нового документа Институт стремился не только повторить манифест от 28 мая, но также установить, насколько хорошо воюющие стороны ознакомили своих военнослужащих с действующими конвенциями и другими положениями международного публичного права. Проект призывал воюющие стороны принимать более серьезные меры по обеспечению соблюдения этого права:

«Воюющие стороны выдвигают взаимные обвинения в несоблюдении законов войны. Каждый день приходят подробные сообщения о новых ужасах. К сожалению, необходимо признать, что большинство этих злодеяний — позорных в наши дни, а также вызывающих опасения за наше будущее — действительно имеют место, и зачастую наличных средств оказывается недостаточно для того, чтобы проверить каждый конкретный случай.

Поэтому не следует предполагать, что институт проведет совершенно невероятное по объему расследование постоянно растущего количества яростных обвинений. Но есть и другой вопрос, который собрание юристов, образованное для «распространения международного права», обязано поднять и для решения которого у него есть все возможности, — вопрос о том, какие шаги были предприняты воюющими сторонами, чтобы как можно полнее ознакомить военнослужащих своих армий с законами войны».

Институт международного права не считал удовлетворительными оправдания, перекладывавшие ответственность за жестокие действия на нерегулярные части: «Если солдаты этих частей армии совершенно не в состоянии вести себя, как разумные человеческие существа, то сам факт использования таких людей в армии представляет собой серьезное нарушение законов войны, и это всегда было единодушным мнением всех тех, кто занимается разработкой международного права. Если же эти части способны вести себя иначе, воюющие стороны обязаны заставить их действовать соответствующим образом».

1 Annuaire..., год 2-й, 1878, с. 136.

Заявление заканчивается следующим пожеланием: «Необходимо в связи с этим, чтобы законы и обычаи войны, которые сформулированы в различных договорах, рассматривались бы, таким образом, как вверенные европейским государствам для того, чтобы последние обеспечивали их соблюдение и чтобы для информирования широкой общественности эти государства, где только возможно, вводили институт военных атташе, обязанных наблюдать за армиями воюющих сторон и сообщать своему правительству обо всех действительно имевших место грубых нарушениях законов войны». Далее в заявлении следовал призыв ко всем правительствам предпринять необходимые шаги по ознакомлению отдельных офицеров и солдат с законами и обычаями войны, а также предлагалось, чтобы перед началом кампании каждый офицер подписывал документ, подтверждающий, что ему были зачитаны необходимые наставления и что копия таковых им получена¹.

Принимая участие в работе Института международного права, Гюстав Муанье одновременно стремился к тому, чтобы был услышан голос МККК. Ведь он был в числе руководителей обеих организаций, занимающихся, соответственно, законами войны (Институт международного права) и собственно гуманитарным правом (МККК). Поэтому он мог работать одновременно в двух областях и приносить в деятельность Института, направленную на предотвращение нарушений законов войны на Балканах, весь авторитет Международного Комитета в вопросах, касающихся Красного Креста².

Но возможности МККК были ограничены не только в результате актов насилия на национальной, политической и религиозной почве, но также и тем, что восставшие области, которые Османская империя считала своими вассальными или облагаемыми данью провинциями, не имеющими политической независимости согласно международному праву, еще сами не присоединились к Женевской конвенции и поэтому не имели своих отдельных обществ Красного Креста. 29 ноября 1875 года Черногория, которая к тому времени еще не вступила в войну, уведомила Швейцарский федеральный совет о присоединении к Конвенции и попросила МККК прислать свою делегацию. За положительным ответом МККК последовало направление трех его делегатов — профессора Алоиса Гумберта, доктора Фредерика Ферьера (будущего члена Комитета, который был врачом-добровольцем в полевом госпитале в Бадене во время войны 1870 года) и фармацевта Чарльза Гуца — в Черногорию 28 декабря. Они должны были организовать операции по оказанию помощи раненым и больным, которые нашли прибежище в княжестве, способствовать созданию национального общества Красного Креста, распространять необходимую информацию и готовить общественное мнение для осуществления этой цели. В данных им инструкциях говорилось, что *«они должны использовать свое влияние, чтобы обеспечить соблюдение гуманитарных принципов Женевской конвенции в ходе нынешней войны в Герцеговине»*. Общество по оказанию помощи было создано в Черногории 15 января 1876 года.

1 *Annuaire...*, год 2-й, 1878, с. 158—159.

2 Что касается действий, предпринятых МККК во время войны на Балканах, см.: *Pierre Boissier. History of the International Committee of the Red Cross*, pp. 298—312.

После создания общества Красного Креста 21 января 1876 года княжество Сербия 24 марта стало участником Конвенции. Но сама Турция, являясь участницей Конвенции с 1865 года и имея национальное общество по оказанию помощи, не признала ни законность присоединения, ни образование этих обществ. В циркулярном письме от 8 июля 1876 года МККК тем не менее призвал национальные комитеты оказать помощь национальным обществам Черногории и Сербии.

Президент МККК изучил данную ситуацию и возникающие в связи с ней трудности и высказал свои соображения по этому поводу в работе, которая была приложена к 35-му циркулярному письму МККК и называлась «Соблюдается ли Женевская конвенция во время войны в Сербии?»¹. Сначала Муанье выражает свое мнение о том, что Черногория и Сербия достаточно автономны и независимы, чтобы самостоятельно присоединиться к Конвенции. Затем он ставит следующий вопрос: «Возможно ли, чтобы государство, подписавшее Конвенцию, было вольно лишать своих субъектов или непокорных вассалов права пользоваться преимуществами, получаемыми по этой Конвенции?» Ответ, разумеется, дается отрицательный. Муанье утверждает, что Конвенция 1864 года — это нечто вроде морального кодекса, который является обязательным для всех подписавших его государств *при любых обстоятельствах*. Затем он продолжает изложение этих аргументов, которое, как представляется, является прообразом статьи 3, общей для Женевских конвенций 1949 года:

«Утвердительный ответ не вызывал бы никаких сомнений, если бы Конвенция предлагала подписавшим правительствам преимущества только на основе взаимности, как это бывает при подписании торгового соглашения или почтовой конвенции. Но Женевская конвенция — это нечто большее. Ни одна из ее формулировок не ограничивает ее действие подписавшими сторонами; напротив, все ее статьи сформулированы очень широко, как бы предполагая, что эти положения должны соблюдаться не только в отношениях между сторонами, подписавшими Конвенцию, но и во всех других обстоятельствах. Это нечто вроде декларации гуманитарной веры, моральный кодекс, который не может быть обязательным в одних случаях и факультативным в других [...]».

Таким образом, Муанье отмечает, что если во время международного конфликта «все участники Женевской конвенции несут моральную ответственность за ее соблюдение в общении с любым противником, они тем более несут эту ответственность в случае внутреннего конфликта». Гражданские войны обычно оказываются более кровопролитными, чем другие конфликты, но чем больше зло, тем больше необходимость оказывать ему сопротивление, и государства-участники Конвенции обязаны показывать пример милосердия по отношению к своим своенравным гражданам. В связи с этим Муанье приводит пример Испании, где во время гражданской войны 1872 года «было объявлено, что к раненым, врачам и полевым госпиталиям в лагере карлистов будут относиться в соответствии с положениями Конвенции».

1 МККК, 35-е циркулярное письмо, 21 сентября 1876 года.

Распространение конфликта на Россию в апреле 1877 года придало ему, несомненно, международный характер. Российское правительство, выпустившее строгие инструкции для своих военнослужащих по соблюдению Конвенции, официально объявило о своем согласии с Турцией, просившей, чтобы эмблема с изображением красного креста была заменена в Османских медицинских частях на красный полумесяц при условии, что турки будут уважать традиционную эмблему. Международный Комитет попросил одного из своих членов, профессора Адольфа де Эспена, организовать международное агентство по оказанию помощи в Триесте, что и было сделано 7 июля 1877 года.

Но давайте вернемся к деятельности Института международного права. Договор в Сан-Стефано от 3 марта 1878 года и Берлинский договор от 13 июля того же года положили конец трехлетней войне на Балканском полуострове. Но исключительная жестокость, проявленная в ходе сражений, продемонстрировала еще более явно, чем во время войны в 1870 году, что действующего права было не достаточно и что даже те положения, применимость которых не вызывала сомнений, очень часто нарушались воюющими сторонами.

На Брюссельской сессии 1879 года Муанье, который был докладчиком от пятой комиссии (*«Положения о законах и обычаях войны»*), по просьбе Института представил доклад о том, насколько законы и обычаи войны отражены в уставах и инструкциях разных стран. Его выводы нельзя было назвать оптимистичными. Не считая *«Инструкций»* Либера (1863), существующие национальные законы были приняты давно, некоторые уже настолько устарели, как заметил докладчик, что вряд ли кто-либо решится ссылаться на них во время войны: *«Сами правительства весьма озадачены тем, какие инструкции они должны дать своим военнослужащим, и это отчасти объясняет, почему большинство из них избегает выпускать подобного рода инструкции»*¹.

Поэтому Муанье представил вниманию своих коллег два следующих предложения:

- чтобы в международные конвенции по праву войны было добавлено новое положение о том, что государства, присоединившиеся к конвенциям, обязуются строго наказывать нарушителей этих конвенций. Докладчик также попросил сотрудников Института подумать, как оказывать на правительства моральное воздействие, которое является более действенным, нежели обязательства гуманитарного характера, нарушения которых не влекут за собой наказания.
- чтобы Институт работал над воплощением в жизнь идеалов, провозглашенных на совещании в Гааге, в частности, следующего: *«...чтобы законы войны регулировались договором, декларацией или любым типом соглашения между цивилизованными государствами»*.

¹ Пятая научная комиссия — *Положения, касающиеся законов и обычаев войны*, доклад Гюстава Муанье. *Annuaire*, том 3—4, 1880, с. 312—320. В письме от 1 декабря 1880 года вице-президент Центрального комитета сербского Красного Креста сообщил Гюставу Муанье, что правительство Сербии, следуя призывам Института международного права, составило и издало руководство под названием *«Законы войны в рамках международного права»*, которое было выдано всем офицерам. (*Annuaire*, 6th year, 1883, vol. 2, pp. 283—285). См. также: *«La Guerre d'Orient et la Conference de Bruxelles»*, by Prof. de Martens, *Bulletin international*, 14th year, 1883, pp. 36—54.

Во время прений на четвертом пленарном заседании несколько выступавших предложили дать задание пятой комиссии составить *Практическое руководство по законам войны*. Профессор Ролен-Жакменс выступил по этому поводу с конструктивным предложением. В заключение на совещании было принято первое предложение Муанье, а также предложение Блюнчли.

Члены пятой комиссии поручили Муанье подготовить проект на основе его работы о действующем законодательстве, Брюссельской декларации, руководств, недавно одобренных во Франции, России и Нидерландах, а также «Инструкций» Либера. 15 февраля 1880 года Муанье направил первый проект своим коллегам, а получив их замечания и соображения, отредактировал его.

Закончив второй проект, Муанье разослал его всем членам института. Затем комиссия провела заседание в Гейдельберге 18—20 июня. Приняв последний вариант *Руководства*, присутствующие¹ решили направить его на одобрение следующей сессии института.

Члены института вновь встретились в Колледже богословия в Оксфорде 6 сентября 1880 года. Муанье в качестве докладчика от пятой комиссии предложил совещанию проект *Руководства*. Рассказав об истории создания и объяснив его построение, он закончил выступление следующими словами:

«Если наши планы в отношении этого Руководства осуществляются, это во многом изменит традиции и приведет к прогрессу с юридической и нравственной точек зрения, и в то же время Руководство предъявляет не больше требований, чем общественное сознание. Поэтому, как мы и решили в Брюсселе в 1879 году, у нас есть серьезные основания призвать правительства всех цивилизованных стран использовать его, а также надеяться, что это не встретит сопротивления с их стороны. Комиссия полагает, что институт, так же, как и сама комиссия, убедится в значимости Руководства и, ратифицировав предложенную работу, будет как можно шире распространять ее как в официальных, так и в неофициальных кругах»².

Совещание единогласно приняло *Руководство о законах сухопутной войны*, и было решено воздать должное его создателю. По предложению Мартенса, институт выразил свою признательность Гюставу Муанье, *«опытному, энергичному и преданному делу человеку, который является главным или скорее настоящим автором Руководства»*.

Руководство о законах сухопутной войны, также известное под названием *Оксфордского руководства*, явилось, таким образом, кульминацией всей работы, проделанной институтом по дополнению или улучшению предложений Брюссельской декларации в свете опыта русско-турецкой войны. Устанавливая в *Руководстве* в качестве общих принципов уважение к незащитным гражданским лицам, честное ведение борьбы и необходимость воздерживаться от причинения излишних страданий, Муанье систематизировал законы войны в 86 статьях, объединив в едином документе положения гуманитарного права и права войны, а именно следующие вопросы: защита раненых, больных и медицинского

1 Присутствовали: Блюнчли, Холл, Холланд, Мартенс, Ривьер, Шульц и Муанье.

2 *Annuaire*, vol. 5, 1882, p. 156.

персонала, уважение к умершим, обращение со шпионами, ограничения бомбардировок, правила, касающиеся частной собственности, военнопленных, интернированных в нейтральных странах, уголовные санкции и положения о репрессалиях. К тому же Муанье предварил основные положения *Руководства* кратким введением, в котором объясняются их цель и значение.

«О Руководстве, изданном институтом, — пишет он, — сразу же стали отзываться в самых лестных выражениях все, кто писал о законах ведения сухопутной войны. Оно было переведено на несколько языков и часто цитировалось участниками Мирной конференции при составлении Гаагской конвенции, принятой 29 июля 1899 года, которая заменила проект Брюссельской декларации. Понятно мое сожаление по поводу того, что я не смог принять участие в заседании ассамблеи, на котором было принято это решение, увенчавшее успехом усилия института. Швейцарский федеральный совет оказал мне честь, делегировав меня на ассамблею, но по состоянию здоровья я не смог бы преодолеть трудности поездки»¹.

Институт международного права давал Муанье возможность работать в обстановке, которая соответствовала его характеру и темпераменту: небольшой по числу сотрудников коллектив эрудитов, собравший лучшие умы в области права, международный по составу, но в то же время наднациональный (так как фактически его участники не были официальными представителями тех государств, гражданами которых они являлись), причем все его участники имели сходные понятия о проблемах права и были связаны друг с другом отношениями дружбы и доверия: *«Он всецело отдал себя делу, проявив безграничный энтузиазм и прекрасные организаторские способности»²*. Участвуя в этой работе, Муанье значительно расширил свои познания в области международного права, которое до этого он приобрел в гуманитарной сфере:

«Я лично очень высоко оценил ту деятельность по осуществлению контроля, которую провел институт, и в некоторых случаях внес в нее свою лепту, одновременно участвуя в других мероприятиях этой организации, если считал себя в состоянии помочь, так как эта работа меня очень интересовала. Желание оправдать свое членство заставило меня также уделять международному праву больше внимания, чем прежде, и я могу сказать, что это научило меня работать более тщательно и быть более осмотрительным в выражении своего мнения»³.

В марте 1890 года Муанье представил статью об Институте международного права Академии нравственных и политических наук (*Académie des sciences morales et politiques*) в Париже, корреспондентом которой он стал 12 июня 1886 года, а 15 марта 1902 года он стал иностранным членом-корреспондентом

1 G. Moynier. Ma contribution..., p. 26. Архив МККК, раздел Муанье.

2 Albéric Rolin. Les origines... (см. сноску 4), p. 41.

3 Г. Муанье. Воспоминания, с. 32. Постав Муанье продолжал активно участвовать в работе Института международного права. На сессии Института 1883 года в Мюнхене он представил доклад по конголезскому вопросу; на сессии в Брюсселе в 1885 году, в Гейдельберге в 1887 году и в Лозанне в 1888 году он представил также несколько докладов по вопросу о железных дорогах в военное время. Он был назначен председателем института на Женевской сессии в сентябре 1892 года, почетным президентом — 26 марта 1894 года в Париже и почетным членом 18 августа 1898 года в Гааге.

этой академии. Ниже приводится отрывок из заключительной части статьи, отражающий его уверенность в успехе деятельности института по сохранению мира:

«Глубоко осознав истину о том, что «научный дух является подлинным зодчим прогресса»¹, он, исполненный этого духа, стремится содействовать поступательному движению, давая неофициальные советы тем, кто держит бразды правления в своих руках и кому предстоит взять на себя ответственность за практические действия. Пытаясь заменить обычное международное право, по которому мы живем сегодня, писаным международным правом, или, если хотите, «трансформировать сообщество государств, основанное на произволе, в правовое сообщество»² и создавая юридические проекты международных договоров в этой сфере, он вдохновляет руководителей государств на решение этой одной из наиболее сложных задач и оказывает им в этом помощь. Если он будет продолжать работать в этом направлении, он внесет огромный вклад в установление правовых норм в отношениях между государствами и тем самым предупредит нежелательный поворот в развитии отношений между ними.

Другими словами, его основные усилия сосредоточены на сохранении мира, и, следовательно, он отвечает устремлениям нашего времени. Блюнчли однажды сказал, что «международное право дает наиболее прочные гарантии мирных отношений между государствами»³. Если представить себе весы, на одной чаше которых находятся судьбы народов, а на другой пугающе быстрое развитие вооружений, то все усилия института будут положены на первую ради сохранения мира. Чем более прочным и широко признанным будет его авторитет, тем лучше будет слышен его голос и тем меньше конфликтов будет в мире»⁴.

Но войны на Балканском полуострове еще далеко не закончились. Положения Берлинского договора принесли враждующим государствам не более чем передышку и не разрешили политических конфликтов, раздирающих регион. Там по-прежнему периодически вспыхивали восстания и внутренние конфликты, отличавшиеся все той же жестокостью, как и тогда, когда члены института предупреждали воюющих, что, хотя военные действия совершенно естественно ведут к нарушению законов человечности, высшее назначение закона: поддержание гуманного отношения человека к человеку — необходимо соблюдать также и при ведении военных действий⁵.

1 *Dameth. Le juste et l'utile*, p. XIV (прим. Г. М.).

2 *Rolin-Jacquemyns. Revue de droit international*, V. 463 (прим. Г. М.).

3 *Communications et documents*, p. 77 (прим. Г. М.).

4 *Г. Муанье. Институт международного права*, отрывок из доклада Академии нравственных и политических наук, Париж, Альфонс Пикар, 1890. Текст доклада был зачитан на собрании Академии Деоном Ококом, юристом и бывшим членом Государственного совета.

5 Портрет Гюстава Муанье (с. 542) появился в *Annuaire* Института международного права — десятый том, 1888—1889) — Лозанская сессия, сентябрь 1888 года. Librairie Européenne C. Muquardt, Brussels, 1889 (Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne).

Андре Дюран — бывший генеральный делегат МККК. Его работы включают *History of the International Committee* (Историю Международного Комитета Красного Креста — от Сараево до Хиросимы) (Институт Анри Дюнана, 1978) и *Международный Комитет Красного Креста* (Европейский фонд Жана Моне, Европейский исследовательский центр, Лозанна, Швейцария, 1980). Господин Дюран написал ряд статей по истории Движения, некоторые из которых были напечатаны в «Журнале». Настоящая статья является одной из серии работ, посвященных биографическим исследованиям, которые в настоящее время находятся в процессе написания.